

ШЕВЧЕНКО Владимир Николаевич / Vladimir SHEVCHENKO

| От общенационального согласия к современной политической культуре: фактор публичной философии |

ШЕВЧЕНКО Владимир Николаевич / Vladimir SHEVCHENKO

Россия, Москва.

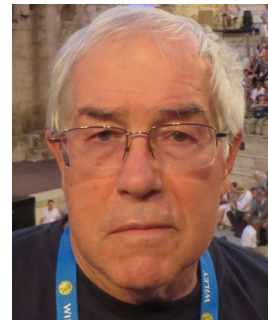
Институт философии ФАНО.

Доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник.

Russia, Moscow.

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Dr, Prof. Leading Staff Scientist.

ОТ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ К СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ: ФАКТОР ПУБЛИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

В статье раскрывается природа публичной философии, её роль как медиатора, посредствующего звена в современном обществе между академической, профессиональной философией и идеологическими позициями различных политических движений и партий. Подчеркивается рост значимости публичной философии в современной России для достижения общенационального согласия по вопросам государственного устройства, формирования приемлемой для всего общества идеологии и нахождения оптимального вектора дальнейшего развития России.

Ключевые слова: публика, общественность, академическая философия, назначение философии, практическая философия, публичная философия, политология, политическая партия, национальное согласие, идеология.

From National Consensus to Modern Political Culture: A Factor of Public Philosophy

Public philosophy plays its part in society as a mediator between academic philosophy and ideological views of different political movements and parties, as is shown in the article. The importance of public philosophy in modern Russia for gaining national consensus concerning the key questions of Russia's development is emphasized. The author concludes that national consensus is sine qua non for creating a modern political culture in Russian society.

Key words: public, academic philosophy, the purpose of philosophy, practical philosophy, politology, political party, national consent, ideology

В ходе серии обсуждений темы «Философия в публичном пространстве», состоявшихся в последнее время в Институте философии РАН¹, в центре внимания неизменно оказывались вопросы политического характера. Это конечно не случайно и требует пристального рассмотрения. Почему, когда говорят, что академическая (профессиональная) философия плохо представлена в публичном пространстве российского общества, с чем были согласны в основном все участники дискуссий, то, прежде всего, имеется в виду политическая тематика, жизненно значимая для самых различных слоев российского общества? Как в реальной ситуации академическая философия может более активно и целенаправленно включаться в публичную жизнь? А, с другой стороны, кому нужна сегодня академи-

ческая философия, кто к ней проявляет интерес, что в ней ищет публика и почему академическая философия не имеет возможностей удовлетворить запросы тех, кто хотел бы получить от неё глубокие и исчерпывающие ответы на все, как они полагают, острые и болезненные вопросы сегодняшнего дня?

Публичный интерес к философии проявляется по-разному. В недавнем прошлом он удовлетворялся публичными лекциями и изданием популярных книг и брошюр. В последнее время философы стали искать и находить новые публичные площадки для открытых дискуссий, устраивать пиар-акции, выступать в больших аудиториях и отвечать на вопросы со стороны не всегда доброжелательной публики.

Помимо философии появились и иные формы публичной активности социально-гуманитарных наук: публичная социология, публичная история и публичная политология

Современная публичная социология, как пишет известный американский социолог М. Буравой, носит органический характер. Она взаимодействует с конкретными организациями

¹ См. статьи, опубликованные в журнале Института философии РАН: Философский журнал, 2012, №2. Межуев В. М. Кому и зачем нужна сегодня философия? С. 5-16; Федорова М. М. Философия и политика. С. 17-26; Кара-Мурза А. А. Как идеи превращаются в идеологии: российский контекст. С. 27-44.

ШЕВЧЕНКО Владимир Николаевич / Vladimir SHEVCHENKO

| От общенационального согласия к современной политической культуре: фактор публичной философии |

рабочего движения, правозащитными организациями, религиозными группами, соседскими или другими местными объединениями с целью вывести их деятельность из замкнутой на себя сферы в публичное пространство, сделать их идеи и деятельность видимой. Социолог может создавать активно действующие группы общественности, направленные на решение той или иной социальной проблемы. Так что «коммуникативное действие» Ю. Хабермаса, подчеркивает М. Буравой, не есть нечто задаваемое обществом изначально².

Публичная история — сравнительно новая отрасль знания, которая занят переводом исторического знания с академического языка на язык публичных репрезентаций, т. е. знания, предназначенного для понимания и дальнейшего употребления широкой аудиторией. Например, для оформления выставок, музеев и т. д. К примеру, созданное в Университете Гейдельберга в 2010 году направление «Public History» занимается обучением историков, которые хотели бы работать во внеуниверситетской сфере, например, в издательском деле, СМИ и музеях. В России также созданы в некоторых учебных заведениях учебные курсы по «public history». Речь идет о специфическом субъектноцентричном подходе к историческому знанию: «через работу различных субъектов непрерывно формируется, политизируется, коммерциализируется и медиализируется история»³.

Интересная ситуация сложилась в сфере политического знания. Общепринято разделение на фундаментальную, теоретическую и прикладную политологию, но обращает на себя внимание отсутствие выделения на этом фоне публичной политологии как специфического типа знания, хотя в общественной и политической жизни, несомненно, можно найти то, что можно было бы отнести к сфере проявления публичной политологии. Прикладная политология анализирует конкретные политические процессы и события, формулирует свои предложения и рекомендации тем или иным субъектам для принятия ими политических решений. Другими словами, прикладная политология всегда проблемно ориентирована на заказчика в широком смысле этого слова, и в ней можно выявить конкретные формы деятельности, похожие на формы публичной политологии.

Несмотря на стремление власти минимизировать политическую жизнь, в обществе постоянно происходит сложное политическое брожение, возникают и распадаются разные политические и политизированные движения вплоть до тех, которые выступают за смену власти и, более того, за свержение власти. Парламентская оппозиция довольствуется навязанными ей жесткими рамками публичного выражения своей позиции. Несистемная оппозиция, как и положено, пребывает на задворках политического процесса. Такая ситуация отнюдь не способствует отделению публичной политологии от прикладной политологии. Рассмотрим подробнее теоретическую сторону вопроса о публичной политологии.

² См. подробнее Буравой М. За публичную социологию / Общественная роль социологии. Под ред. Романова П. и Ярской-Смирновой Е. — М., 2008. С. 18-21.

³ Аккерманн Ф., Аккерманн Я., Литтке А., Ниссер Ж., Томанн Ю. Прикладная история или публичное измерение прошлого / Неприкосновенный запас, 2012, №3 (83). С. 242.

Несколько слов о работе У. Липмана «Публичная философия».

Вопреки очевидной потребности в публичной политологии, оказалось, что её роль с успехом может выполнять (и реально выполняет), с нашей точки зрения, публичная философия. Этот несколько неожиданный вывод требует, конечно, обстоятельной аргументации. Интерес вызывает, в этой связи, давняя работа американского политического и морального мыслителя У. Липмана «Публичная философия», написанная им полвека назад в середине 50-х г. XX столетия. Особенных открытий мы в ней не найдем, но есть ряд важных положений, на которые следует обратить внимание, когда мы анализируем сегодняшнюю политическую ситуацию в стране и пытаемся найти подходы к её решению. Прежде всего, что он имеет в виду под публичной философией, и какими функциями он её наделяет? В западных странах в последние столетия было широко распространено такое социальное явление, которое называет У. Липман публичной философией, и её наличие не вызывает у него никаких сомнений. Европейские просветители XVII-XVIII веков были сторонниками определенной публичной философии — учения о естественном законе, согласно которому «есть некий закон, и он выше властителя и суверенного народа, ... выше всего сообщества смертных»⁴. Человеческий разум способен произвести на свет универсально значимое знание, единое для всех понятие естественного закона и порядка. (cosmos). Исходя из этих представлений, философы Просвещения XVIII века обосновали свою государственно-властную конструкцию. «Публичная философия является оплотом институтов западного общества, и они, я полагаю, — пишет У. Липман, — не работают в сообществах, которые не придерживаются этой философии»⁵. На основе публичной философии, были сформулированы основные принципы, регулирующие все сферы жизни западного общества, идет ли речь о всеобщих выборах, верховенстве большинства, свободе слова, лояльности, собственности и т. д.

Эти принципы выступают вместе с тем естественными законами рационального устройства человеческого общества и, если люди мыслят рационально, то они сочтут их самоочевидными. Но почему речь идет о публичной философии?

У. Липман разделяет сложившееся в европейском сознании представление о том, что публика есть важнейшая категория либерально-демократического западного государства. Публичная жизнь граждан — это открытое и свободное взаимодействие между гражданами и взаимное признание ими важности диалога. Публичные обсуждения, ведущие к достижению позитивного результата, тогда обретают смысл, когда имеется некоторое объединяющее и правоустанавливающее начало для всех граждан. Такое начало было условием и формой организации публичной жизни в античном полисе. По мнению Х. Арндт, идеальным публичным пространством является античная греческая агора или римский форум, другими словами, городская площадь, где собираются свободные граждане полиса, на котором они обсуждают проблемы жизни города, ведут философские дискуссии, ищут согласия. Между прочим, жителей полиса посвящали в граждан на торжественной пу-

⁴ Липман У. Публичная философия. М., 2004. С. 90.

⁵ Там же. С. 93.

ШЕВЧЕНКО Владимир Николаевич / Vladimir SHEVCHENKO

| От общенационального согласия к современной политической культуре: фактор публичной философии |

бличной церемонии. Публичные дискуссии становятся нормой и приводят к обязывающим решениям только в рамках принятой системы правовых норм и ценностей, т. е., при наличии объединяющего начала. У. Липман полагает, что граждане перестают заниматься политикой и уходят в приватную жизнь, когда объединительное начало подвергается эрозии, ставится ими под сомнение. Он всерьез озабочен падением публичного интереса к политике. Раньше все охотно занимались политикой в Америке, а теперь нет. Но это американский и к тому же довольно односторонний взгляд на то, что происходило тогда в самой Америке. В 20-е и последующие годы прошлого столетия в Европе всё складывалось по-иному, её сотрясали социальные конфликты и революции, все виды тогдашней классовой борьбы. О наличии некоего объединяющего философско-идеологического начала вряд ли приходится здесь говорить.

У. Липман в этом контексте как раз и пишет о разрушительной деятельности революционеров. Контрреволюционные движения враждебны государству и как таковые подлежат уничтожению. Сдерживать их или ставить вне закона — это вопрос целесообразности практического разума.

У. Липман отмечает, что нужно восстановить это объединяющее начало, те принципы, на которых строится западная цивилизация. Политический дискурс имеет в западном обществе место и обретает смысл, когда есть общее основание, выражающее специфику западной цивилизации, когда есть консенсус по вопросам устройства государства. Право пользоваться этими институтами государства принадлежит тем, кто согласен с необходимостью их существования. Тогда можно обсуждать вопросы политической культуры, приветствовать умеренность и осуждать крайности.

Таким образом, основной смысл публичной философии по У. Липману состоит в том, что она играет роль, с нашей точки зрения, своеобразной общественной идеологии, которая рассчитана, в первую очередь, на публику как на активных граждан. Более того, «публичная философия в деле сохранения жизнеспособности общества играет, по мнению У. Липмана, роль нити, связующей воедино его отдельные части»⁶. И она довольно жестко определяет границы существования и практической реализации либерально-демократических свобод. Если эти идеологические рамки признаются активной частью граждан, то возникает публичная политическая жизнь в том смысле, что возникает разного рода политические объединения и движения. С точки зрения этой идеологии становится излишним всякое сомнение в безусловности объединяющего всех консенсуса. С помощью самых различных, в том числе и репрессивных мер, все различные массовые и политические движения, в том числе и европейские социал-демократические движения, принуждаются к соблюдению идеологических рамок. Это принуждение оказывается процессом, которым жестко управляет власть, а сама категория принуждения приобретает некий онтологический смысл. Европейская социал-демократия была принуждена вписаться в жесткие рамки политического дискурса, и У. Липман конечно позитивно относится к этому явлению. Вся западная политическая практика XX века говорит о том, что рамки публичной философии оказались слишком тес-

ными, поэтому появлялись и появляются новые политические движения, которые постоянно ставят их под сомнение. У. Липман уверен, что можно восстановить и сохранить целостность традиций цивилизованной жизни западного общества. Ход последующего развития европейского общества показал, что эта целостность удерживается с немалыми трудностями. Но здесь есть одна проблема, которая остается у него не поставленной.

Публичная философия в эпоху античности и даже классического капитализма раскрывает своё содержание далеко не в полной мере. Она ещё не отделилась и по предмету, и по субъекту от профессиональной философии. В жизни античного полиса это особенно наглядно видно. Сегодня естественно возникает вопрос. Если есть публичная философия, тогда кто же выступает её субъектом? Ведь она не сама по себе складывается, но она и не тождественна профессиональной философии. У. Липман заявляет, что публичная философия постоянно нуждается в оживлении и обновлении. Так кто должен этим заниматься: философ-профессионал или публичный философ? Вопрос не в том, может ли это делать с успехом один человек, предметы занятий тут достаточно разные, к примеру, наличие публичного социолога в разобранном выше примере не вызывает сомнений. Вполне вероятно, что современный рост массовых политических движений делает абсолютно необходимой такую профессию как публичный философ. Можно сказать, что решением подобного рода задач ранее занимались профессиональные идеологи. Но сегодня понятие идеологии и, прежде всего, общенациональной идеологии приобретает новые смыслы. Идеология начинает все более пониматься и в России, и на Западе как многоплановое идейное образование, которое реально обеспечивает единство, интегративный характер современного государства. Для современной России это особенно актуально. И видимо вместо идеологического функционера на ведущие роли в обществе постепенно выдвигается новая фигура — публичный философ.

К вопросу о специфике академической (профессиональной) философии

Сказанного выше достаточно, мы полагаем, чтобы поставить вопрос о том, что публичная философия как явление объективное существует независимо от того, как оно до сих пор обозначалось. А. А. Гусейнов в статье «О назначении философии» подчеркивает наличие проблемы перевода профессиональной философии на естественный, общедоступный язык. «Признавая законность требований читательской публики, желающей видеть философские тексты общедоступными, и высоко ценя стремление философов приблизить свой язык к естественному, следует отметить, что между ними всегда остается зазор, который нельзя преодолеть без специальных усилий. Что представляет собой «переходник», позволяющий переводить тексты с одного языка на другой и может ли это делать один и тот же человек — особый вопрос»⁷.

Введение понятия *публичная философия* позволяет дать более ясное понимание сути этого «переходника» между профессиональной философией и различными политическими

⁶ Там же. С. 121.

⁷ Гусейнов А. А. «О назначении философии» / Философия и история философии. К 90-летию акад. Т. И. Ойзермана. М.: 2005. С. 94.

ШЕВЧЕНКО Владимир Николаевич / Vladimir SHEVCHENKO

| От общенационального согласия к современной политической культуре: фактор публичной философии |

группами, которые обращаются к текстам профессиональной философии в поисках ответов на волнующие их проблемы. Но сначала о назначении философии. Присутствие профессиональной философии в своем содержательном смысле как текстов в культуре общества абсолютно необходимо и жизненно важно для существования общества. Самая важная черта профессиональной философии — это плюрализм философских систем, несводимость их в прошлом, настоящем и, видимо, в будущем к единой системе. «Идея принципиальной множественности философии имеет фундаментальное значение и задает новую основу для понимания, как самой философии, так и всего процесса ее исторического развития»⁸.

Особая потребность в новых философских системах появляется в условиях длительного общественного кризиса, распада существующих социальных и моральных устоев жизни, нарастающих в обществе противоречий между реальностями жизни и настоятельными стремлениями общества найти новые цели и направления развития, новые жизненные смыслы. Философия стремится создать идеальный духовный универсум, представляющий собой определенный этико-политический проект совершенного устройства общества и совершенного человека. Создание такой особой рода философской утопии есть способ существования самой философии в истории общества и культуры. Каждая из таких создаваемых философских систем носит авторский характер, и ее автор твердо уверен в том, что он смог выразить некоторую абсолютную истину, которая до сих пор оставалась невыявленной. Без такой уверенности ни один выдающийся философ не смог бы заниматься десятилетиями созиданием своей системы. Основой такого рода философского утопического проекта выступает метафизика, обращение к первоосновам, к всеобщему. Каждая отдельная философская система, будучи сложнейшим теоретическим образованием, представляет собой некоторую двуединую целостность. Название последнего XXIII Всемирного философского конгресса (Афины, август 2013) точно отразило эту её особенность: «Философия как исследование и как образ жизни».

В. А. Подорога заметил в докладе на заседании Ученого Совета Института философии РАН, что возвращение философии к самой себе, к метафизике оснований «как ни странно, смыкается с политикой, но такой политикой, которая понимается не как коллективистская идеологическая акция, ... а как индивидуальное дело, возвращение к метафизике через свободу выбора, который интерпретируется как политический выбор»⁹. Политика есть условие и способ существования любого социума. Выступая в дискуссии по докладу В. А. Подороги, А. А. Гусейнов подчеркнул, что «философия, оставаясь философией и в качестве философии, самим своим способом мысли должна быть политикой. Мы не можем отдавать политику парламентским демагогам и циничным политтехнологам»¹⁰. В философской системе обращение к метафизике не самоцель, оно служит, в конечном счете, обоснованию этико-политического проекта.

⁸ Там же. С. 96.

⁹ Подорога В. А. О чем спрашивают, когда спрашивают «Что такое философия» / Философский журнал, 2009, №1 (2). С. 10.

¹⁰ Гусейнов А. А. Выступление в дискуссии / Философский журнал, 2009, №1 (2). С. 17.

С появлением философии К. Маркса в обществе создается принципиально иная ситуация. К. Маркс впервые сформулировал идею практической реализации философского знания: «Философы различным образом пытались объяснить мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»¹¹. По мере того, как учение К. Маркса получает все более широкое распространение, среди рабочего класса и образованных кругов общества, предпринимаются первые попытки его практического применения.

К. Маркс был профессиональным философом. Но вместе с тем он был и публичным философом. Он вел постоянный диалог-борьбу с самыми различными политическими течениями и движениями. Создал ли Маркс публичную философию? В известной мере, да — если говорить о ней, как об общественно-значимом идеологическом образовании. Складывается ситуация, аналогичная той, которую описывает У. Липман, но которая наполнена прямо противоположными смыслами в сравнении с его представлениями.

Не случайно постоянное различие в литературе между Марксом идеологом и Марксом философом. Это различие весьма своеобразно проявляет себя в истории философской мысли в советский период, когда возникает и получает широкое распространение марксистско-ленинская философия.

Сегодня в российском обществе сложилась такая ситуация, когда создание по-настоящему публичной философии становится императивной необходимостью. В обществе отсутствует общенациональное согласие по поводу того, в каком направлении должно идти дальнейшее развитие российского государства, какой представляется судьба российской цивилизации, каковы важнейшие ценности, определяющие смысл жизни российского человека. Речь идет об определении неких философско-идеологических границ, в пределах которых деятельность различных политических сил носила бы легитимный и одновременно конструктивный характер. Напрямую выполнить эту задачу не под силу академической философии. С публичной деятельностью большого числа политически активных движений и групп академическую философию должен соединить «переходник» — философия публичная.

Достаточно указать на конкретные и непримиримые идейные позиции сегодняшних политических сил в стране, каждая из которых опирается на сконструированное ею отношение к государству и власти (мировоззрение), чтобы убедиться в императивной необходимости достижения с помощью публичной философии общенационального согласия.

В философии и научной литературе выделяют следующие точки зрения, получившие широкое распространение в российском обществе: 1) либерально-западническая точка зрения или радикальный либерализм, согласно которому Россия может сохраниться в будущем, только если станет частью западной цивилизации и сменит цивилизационный код; 2) русский этнический национализм, основу которого составляет противопоставление Руси и России; 3) различные сепаратистские движения, направленные на превращение России, в лучшем случае, в слабую конфедерацию; 4) точка зрения коммунистов, которые видят спасение Отечества в возрожде-

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 4.

ШЕВЧЕНКО Владимир Николаевич / Vladimir SHEVCHENKO

| От общенационального согласия к современной политической культуре: фактор публичной философии |

нии советского строя и в возвращении на путь социализма 5) общественные и партийные движения, выступающие за возвращение страны к имперскому, православно-монархическому строю и образу жизни; 6) имперская позиция А. Проханова и созданного им Изборского клуба, предполагающая создание так называемой, пятой российской империи и необходимость исторического примирения белых и красных; 7) идеология российского (либерального) консерватизма правящей партии «Единая Россия»¹².

Указанные точки зрения или абсолютно не совместимы, или совмещаются только по некоторым аспектам. Одним словом, мы имеем дело с самым настоящим идеологическим, политическим и психологическим тупиком, из которого нет прямого выхода. Каждая политическая сила убеждена в том, что её позиция единственно правильная, и она обещает решение всех назревших и перзевших в стране проблем. Об этом свидетельствуют вся их практика политической борьбы — от политических текстов до лозунгов и баннеров.

Можно сказать, что достижение согласия между политическими силами является важной задачей профессиональной философии. Но её выполнение окажется на деле созданием ещё одной уже самой современной философской системы, тем более, что её нельзя создать по заказу, даже по срочному, а тем более поручить выполнение заказа одному или группе опытных профессиональных философов. Такая задача может быть поставлена перед профессиональным сообществом философов или, точнее говоря, она осознается как задача всем профессиональным сообществом или его значительной частью. Именно по той причине, что имеет место огромный идейно-духовный кризис в стране и в мире. И фактически такие попытки уже предпринимаются. Но вся история философии свидетельствует, что появление новых философских систем не решает практических задач, стоящих перед обществом. В лучшем случае они обосновывают, каждая по своему, необходимость смены вектора, направленности исторического процесса. А для решения практических задач и нужно создавать некий паллиатив в виде публичной философии как общей идеологии практической деятельности. Если в современном Китае идет процесс соединения марксизма с конфуцианством, то в России достаточной популярностью пользуется сегодня идея синтеза марксизма с православием. Интересный процесс наблюдается и в рамках официальной идеологии, которая пытается соединить либеральные и консервативные (импероподобные) идеи. Философия как духовный центр выступает в обществе как некое объединительное начало, стягивая вокруг все идущие в обществе дискуссии, и она способна в принципе, если не выработать такое знание, то, по крайней мере, предложить дискурс, который сможет помочь преодолению кризисной ситуации, позволит решать проблемы кризиса в пределах как государственных границ, так и на мировом уровне. Напомню, идеология У. Липмана однозначно связана с базовыми характеристиками западной цивилизацией. Следовательно, применительно к российскому обществу можно ставить вопрос о том, что публичная философия по своему содержанию тоже вполне вероятно должна быть

как-то тесно связана с цивилизационной характеристикой российского общества, если конечно, мы признаем существование российской цивилизации как особой цивилизации.

Философия в публичном пространстве как публичная философия

«Вторжение» профессиональных философов в сферу публичных дискуссий предполагает, что такой философ способен к выполнению весьма сложной работы по соединению академических поисков и достижений с поиском оптимального вектора развития страны через постоянный дискурс с различными политическими силами. Проведение такого рода публичных дискуссий отнюдь не простая задача, установление коммуникативных связей в нынешнем российском обществе встречает огромные трудности. В этом смысле можно говорить о необходимости диагностирования и лечения в сфере общественной коммуникации общественной патологии, которую Ю. Хабермас понимал как формы «систематически нарушаемой коммуникации». Для лечения отечественных патологий важен именно диагноз, указание причин разрушения коммуникаций в публичной сфере политики и за её пределами.

В стране есть немало блестящих, талантливых философов. Публичный философ — это такой профессионально подготовленный философ, который отважится вступить в постоянный публичный дискурс и будет искать компромисса в ходе обсуждения весьма острых политических проблем. Но при работе с «публикой» нужны не просто доводы логического характера. Как свидетельствует исторический опыт, на неё могут произвести сильное впечатление, могут поразить их воображение лишь те, кого называют властителями дум. Таких властителей дум нет или почти нет сегодня как среди философов, так и среди писателей, художественной интеллигенции. На это особенность современной интеллектуальной жизни в Германии обратил внимание Н. С. Плотников¹³. Причин здесь несколько. Это наличие огромной информационной лавины, которая обрушивается ежедневно и ежечасно на головы миллионов людей, когда кумиры создаются исключительно посредством СМИ, и они как быстро надуваются, так и быстро исчезают и уходят в небытие. Другая причина — определенная политика власти, особенно по отношению к СМИ, куда не допускаются деятели, способные действительно стать властителями дум. И, наконец, общая атмосфера культуры постмодернистской эпохи, когда в ней отрицается всякая потребность в объединяющей людей идентичности, когда всячески воспеваются и возводятся в культ идея различия. Если к микроскопическим различиям нужно относиться как к величайшим ценностям, то достижение национального согласия, которое во все времена вынуждало чем-то поступиться всем политическим силам, рассматривается как недопустимое проявление репрессивного отношения к людям, к их свободе самовыражения.

¹³ «Сама фигура глобально мыслящего интеллектуала сходит на нет, она становится все более приземленной. Сегодня публичный интеллект — это скорее именно профессионал, обсуждающий в публичном пространстве какие-то конкретные проблемы, но не готовый или не намеренный транслировать в это пространство некое мировоззрение». Плотников Н. С. Реконфигурация публичного пространства / Русский журнал. 27. 10. 2011. http://www.perspektivy.info/misl/cenn/rekonfiguracija_publichnogo_prostranstva_2011-11-25.htm

¹² Шевченко В. Н. Российское государство: современные дискуссии в науке и за ее пределами / Философские науки, 2013, №7. С. 5-22.

ШЕВЧЕНКО Владимир Николаевич / Vladimir SHEVCHENKO

| От общенационального согласия к современной политической культуре: фактор публичной философии |

Хотя со времен античности, с момента зарождения философии факт постоянного контакта профессиональных философов с публикой всегда имел место, и античные философы и в те времена сами нередко занимались переводом философских суждений на естественный повседневный язык. И всё же здесь, скорее всего, должна идти речь о доминировании практической философии, во все последующие времена «пытавшейся объяснить и дать рекомендации к решению конкретных жизненных вопросов»¹⁴. Эта традиция, которая названа традицией «сверхдетерминацией политики философией»¹⁵, активно способствует тому, что превращает в конкретной реальности политическое, политическую сферу жизни в неполитическое по своей природе явление. Публичная философия имеет свою особую природу, которая сегодня раскрывает в полной мере свою подлинную сущность.

Действительно, в разрыве между профессиональной философией и многочисленными политическими практиками, формируется поле применения особого рода публичной философии, «заточенной» как говорят сегодня, на постоянное ведение дискурса между всеми участвующими в ней политическими субъектами. Дискурс может и не складываться, поскольку возникает проблема: как быть с теми, кто не желает идти ни на какие-то публичные обсуждения и тем более компромиссы.

Сложность выявления границ и перспектив публичной философии в современной России состоит в том, что политическая система в стране строилась по иным лекалам, чем в Европе. Вплоть до последнего времени общество было фактически поглощено государством, властно-управленческими структурами, публичное пространство возникало и развивалось главным образом за пределами политической сферы. И сегодня властная публичная политика вновь идет скорее не по пути диалога, а по пути перевода решений реальных политических проблем на административные рельсы. И по этой причине постоянно пересматриваются законы, регулирующие публичную политическую сферу, границы дозволенного в политике.

Публичная философия может выступить сегодня в конкретной ситуации как особого рода сложное в своей сути идеологическое построение, которое содержит в себе характеристику основных черт российской цивилизации. Скорее всего, цивилизационное начало является в разработке объединительной

идеологии первичной по отношению к конкретным формам государства. И это дает основания говорить о возможности достижения национального согласия в стране. По выражению В. М. Межуева, необходимо стремиться не стать частью европейской цивилизации, а совместно строить общечеловеческую цивилизацию, способную объединить человечество в планетарном масштабе¹⁶. Но я добавлю, что нужно знать свою специфику, чтобы принимать участие в этом строительстве, а отечественная мысль никак не может «договориться» о том, каковы эти цивилизационные основы российского общества.

Постановка вопроса о существовании публичной философии имеет ещё и другую сторону, которая связана с преподаванием философии. Что касается преподавания, то здесь всегда есть стремление создать некоторую единую систему философского знания. Иначе, как вести занятия и оценивать уровень знаний студентов, как вообще обсуждать вопросы преподавания, в том числе и методические вопросы.

Но такое требование к философии предъявляют и сами слушатели. Они хотят получать ответы на волнующие их вопросы. А им предлагают разные философские точки зрения и предлагают выбрать ту, которая им больше нравится, отвечает их ожиданиям и представлениям. Это явление опасное, оно противоречит самим целям образования.

Эту философию для неспециалистов можно назвать особой формой публичной философии. Её назначение также состоит в том, что она обязана учащимся и всем читателям давать понятные ответы на реальные проблемы, которые стоят перед ними. Поэтому создание целостной системы философского знания есть помимо всего прочего и особое искусство, оно заключается в том, что выбрать из огромного объема знания, накопленного академической профессиональной философией, какую философскую основу взять для ее грамотного и правильного создания.

Публичная философия и академическая философия, это как бы две стороны одной медали. Академическая философия — предмет занятий профессионального сообщества. Развитие и эффективность публичной философии в определяющей степени зависит от того, что может предложить сегодня академическая, профессиональная философия. Без её новых выдающихся достижений, расширения границ человеческой свободы, обретения человеком все более сложных смысложизненных ценностей, человечество рано или поздно обречено на вырождение.

¹⁶ См.: Межуев В. М. История, цивилизация, культура. Опыт философского истолкования. СПб. 2011. -С. 385.

¹⁴ Алексеева Т. А. Некоторые соображения о предметной области политологических дисциплин. / Философия политики и права: Сб. научных работ. Вып. 2. Под общей ред. Е. Н. Моцелкова. М.: 2011. С. 123.

¹⁵ Федорова М. М. Цит. соч. С. 20.

